

Д.Н. Горнова

**Становление идеи «единодержавной» власти
как ценности политической культуры
в литературе Киевской Руси**

Интерес к исследованию отечественной политической культуры не угасает в среде философов, правоведов, историков, политологов и политиков, а также в более широких общественных кругах. «Анализ политического процесса в современной России возможен только при условии выявления того общего культурного основания, на котором развиваются политические явления и процессы на всем протяжении истории, тех смысловых основ, которые определяют политические стратегии акторов и формируют политические практики» [1, с. 77]. Безусловно, отечественная история отмечена кардинальными общественно-политическими изменениями, которые не могли не сказаться и на духовной сфере. «Каждый последующий этап революционно отрицал предыдущий... Однако сколь бы резкими, даже грубыми ни были разрывы с прошлым, на всех ступенях развития вольно или невольно интегрировались некоторые основополагающие особенности предшествующих этапов. Благодаря этому политическая культура России продемонстрировала удивительную устойчивость своих базовых характеристик, своей структуры» [2, с. 157].

Необходимо выделить определяющий, главный компонент в политической культуре. Таковым является отношение к власти, принятие тех или иных ее моделей. По мнению новосибирских исследователей А.А. Кубанова и В.Н. Старкова, именно система властных отношений (особенности ее формирования и развития) обуславливает специфику политической культуры. В своей работе «Культура власти» они вводят понятие «культурный генотип власти», которое означает «исторически сложившуюся совокупность общественных идеалов и представлений о власти, способах ее утверждения, функционирования и замены» [1, с. 77]. Основы понимания власти в России закладывались еще в период Киевской Руси. Это время формирования политических ценностей и стереотипов поведения – «первая фаза культурогенезиса» [3, с. 19]. В целом же мировоззренческую основу понимания мира политического заложила христианская религия в форме православия. «...Сегодня в достаточной мере осознана роль конфессии как фундаментального фактора, определяющего тип цивилизации. ...Конфессия интегрирует локальное многообразие культур вокруг фундаментальных ценностей» [4, с. 47]. Особенности православного мировоззрения – взаимосвязь богословия и мистики, ирраци-

ональный способ познания окружающего мира через откровение и прочее – обуславливают специфику становления политических ценностей, а точнее сказать, отношение к ним, их понимание и принятие. Для православного сознания характерно единство слова и дела, идей и реальной жизни. Главное в православии не доктрина, не внешняя организация и форма поведения, а духовный опыт и духовный путь. Таким образом, идеи и идеалы, обозначенные в период Киевской Руси, по своей мировоззренческой основе не могут существовать вне жизни православного народа.

Литература, получившая развитие в связи с крещением, стала важнейшим фактором формирования политической культуры Киевской Руси. Она отражает политический опыт (традиции, ритуалы, принципы) и в то же время оказывает влияние на становление новых убеждений, взглядов, ценностей. Литература Киевской Руси – неотъемлемая часть динамики отечественной политической культуры.

В произведениях Киевской Руси обозначена проблема власти. Уровень научного обобщения древнерусских мыслителей, конечно, не позволял описывать и систематизировать общие законы ее природы. Власть персонифицировалась, рассматривалась на конкретном примере – примере княжеской власти. В представлении древнерусских мыслителей государство по своей форме «должно быть унитарным и централизованным в управлении по монархическому типу, приближающемуся к абсолютизму» [5, с. 5–6]. Вся полнота власти сосредоточена в руках киевского князя. «И самодержцем стал своей земли, покорив себе окружные народы, одни – миром, а непокорные мечем» [6, с. 45]. В сознании и культуре народа укрепляется четкое обоснование княжеской власти: веление киевского князя непререкаемо, но не только и не столько по причине верховенства его в структуре государственного управления и использования насильственных мер, а в силу того, что он воздвигнут на это правление Богом. Здесь мы сталкиваемся с концепцией сверхъестественного происхождения княжеской власти. Этой идеей проникнуто «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, который восхваляет князя Владимира – крестителя Руси и Ярослава Мудрого: «Сын твой Георгий (имя Ярослава в крещении. – *Прим. автора*), которого соделал господь преемником власти твоей...» [6, с. 51]. В произведении «Память и похвала князю русскому

Владимиру» провозглашается, что вся праведная политика князя освещена Божественной благодатью и осуществляется при помощи Бога: «Когда князь Владимир добрые дела совершал, то Божья Благодать освещала сердце его и рука Господня помогала ему, и побеждал всех врагов своих, и боялись его все. На кого шел, одолевал...» [7, с. 323].

Сверхъестественное происхождение власти князя становится веским основанием ее легитимности – еще одного элемента, определяющего особенности формирования политической культуры. Эта проблема затрагивает и сферу взаимоотношений правителя и общества, и вопросы престолонаследия, междукняжеских отношений, и, конечно же, область права. В рамках этого рассматривается соотношение «единодержавности» и законности. Основу такого соотношения мыслители Киевской Руси находят в правде и тем самым привносят в область отечественной политической культуры важнейшую ценность, ставшую фундаментальной. «Единодержавный» князь является и носителем, и гарантом сохранения правды в обществе. Данный мотив присутствует во многих произведениях, в том числе и в «Повести временных лет»: «Если же какая страна станет угодной богу, то ставит он ей... князя праведного, любящего справедливость и закон... если же князья справедливы в стране, то много согрешений прощается стране той; если же злы и лживы, то еще большее зло насылает Бог на страну ту, потому что князь – глава земли» [8, с. 183]. Народ чувствует такое высокое предназначение княжеской власти и поэтому смиренно принимает ее. «Князь и общество представляют единое целое. Князь – выразитель интересов страны. Его действия не могут быть частными» [5, с. 9].

Очень важное место в изучении особенностей формирования политической культуры отводится поиску идеального образа правителя и выявлению основных принципов его политики. Древнерусские мыслители приравнивали князя Владимира к рангу Константина Великого, тем самым отвергали претензии Византийской империи на руководящую роль среди христианоподданных стран. Помимо внешнеполитической, преследовалась внутривластная цель: поднятие престижа централизованного управления в лице киевского князя. Иларион в «Слове о Законе и Благодати», восхваляя Владимира, говорит: «О, подобный великому Константину, равный (ему) умом, равный любовью Христу, равный почтительностью к служителям его! ... Тот покорил Богу царство в еллинской и римской стране, ты же на Руси... И, как подобного ему, соделал тебя Господь на небесах сопричастником одной с ним славы и чести (в награду) за благочестие твое...» [6, с. 51]. **«Иларион был сторонником монархического принципа, сравнивая Владимира с императором Константином, называл их равнохристолубивыми и равноумными. В единодержавстве**

он видел залог единства и силы государства, его территориальной целостности» [9, с. 113]. В «Повести временных лет» Владимир – «...новый Константин великого Рима, который крестил всех людей своих и крестился сам, и этот поступил так же» [8, с. 175]. Образ идеального князя проявляется и в Ярославле Мудром (это не удивительно, так как именно при нем Киевская Русь достигла своего могущества и расцвета государственности). Автор «Повести временных лет» обнаруживает положительное отношение к преемственности в княжеской политике, последовательности в укреплении русской земли: «Как если один землю вспашет, другой же засеет, а иные жнут и едят пищу неоскудевающую» [8, с. 195].

Важнейшей особенностью становления политической культуры является возникновение принципа княжеской «грозы». «Гроза» основана на правде, в то же время для утверждения и сохранения последней необходимо применение князем силовых мер. Этот принцип имеет религиозное объяснение. Дело в том, что Бог как средоточие высшей истины и правды вправе карать согрешивших – отступивших от веры, умножающих неправду. Стремление и любовь к Богу должны сочетаться со страхом, так как человек несовершенен по отношению к Богу и понимает это. Такая трактовка проецируется и в область политики. Князь обеспечивает сохранность правды на земле и вправе применять «грозу» во внешней и внутренней политике. Даниил Заточник в своем «Слове» говорил: «Я ведь княже, как дерево при дороге: многие обрубают его ветви и в огонь мечут; так как и я всеми обижаем, ибо не огражден страхом грозы твоей» [10, с. 227]. Князь должен охранять Божественную истину – правду, и «гроза» есть не что иное, как средство ее сбережения. Таким образом, праведная политика подразумевает не только следование христианской истине, осуществление ее в деле, но и наказание при необходимости. «Гроза» князя – способ борьбы с отрицательными элементами, сохранившимися от «идольского мрака», и иноверными («погаными») врагами извне. Таким образом, насилие может быть оправдано только крайней необходимостью защиты христианской истины, так как «не в силе Бог, а в правде» [11, с. 223]. Данный мотив формировал в политическом сознании ценность благоговейного страха перед правителем и обусловил особенности развития отечественной политической культуры.

В целом в древнерусских произведениях был создан образ идеального князя. В этом образе переплетаются идеи князя-христианина и князя-воина. К наиболее характерным для христианского мировоззрения особенностям правителя можно отнести следующие: «боголюбие» и богобоязненность, защита веры, благочестие, отеческая забота о подданных, доброта, скромность, смирение, милосердие. Князь «...облечен был правдою, препоясан крепостью,

обут истиной, венчан добромислием и, как гривной и золотою утварью, украшен милостью» [6, с. 53]. Необходимо остановиться на таких неотъемлемых чертах князя, как милостливость и щедрость. Данный мотив присутствует во всех, без исключения, произведениях политической мысли, как религиозного направления, так и светского. Даниил Заточник эти характеристики князя выводит на первый план: «Ибо щедрый князь – отец многим слугам: многие ведь оставляют отца и мать и к нему приходят» [10, с. 229]. Но христианские добродетели не механически вошли в область политических ценностей, а своеобразно «наложились» на образ эпического героя дохристианской эпохи, для которого характерны вера в судьбу, право мести, воинская доблесть и честь, право победителя. Противоречие этих двух мировоззренческих установок всячески пытаются сгладить и взаимоувязать древнерусские мыслители и летописцы. Все в той же «Повести временных лет» «монах-летописец не может отказать себе в любовании описываемыми им жестокими подвигами Олега, Святополка, Игоря, Ольги» [12, с. 177]. Но объявление воинских добродетелей, качествами, присущими персоне князя, диктовалось историческими реалиями. Они весьма важны, особенно в свете зарождения и укрепления древнерусской государственности, а процесс этот был далеко не мирным. Лишь после крещения Руси наряду с указанными выше качествами приобретают значимость милосердие, скромность и трудолюбие. Такое видение монарха особенно отразилось в «Поучении» Владимира Мономаха, который сам был Великим киевским князем. «Это сочинение – мудрое наставление главе государства, князю. В нем затронут большой круг вопросов, касающихся объема власти великого князя, взаимоотношения церкви и государства, морально-правовых критериев, определяющих оценку политического властителя, и т.д.» [9, с. 123]. Князь в глазах Мономаха не только христианин, охраняющий церковь и соблюдающий службу, защищающий «бедного смерда и убогую вдовицу» [13, с. 467], но и «распорядительный политический деятель, озабоченный судьбами своей страны, судья... отец семейства, а главное, воин, не боящийся смерти в бою...» [12, с. 177]. Что интересно, первостепенными в оценке какого-либо действия становятся не последствия, а заявленная цель. Даже неудачные походы могут восхваляться, если они были совершены ради благой цели. Под последней понимаются сила, крепость и процветание русской земли. Это главный критерий в определении значимости княжеской персоны. Благоверие и христолюбие как важнейшие качества князя-христианина идут бок о бок с высоким патриотизмом князя-воина. В принципе, они не являются противоречивыми в глазах Мономаха, да и других мыслителей Киевской Руси, а составляют общий образ князя, который у каждого

имеет конкретное выражение. Таким образом, «единодержавная» власть как базовая ценность политической культуры несет в себе и христианский дух, и элементы славяно-языческого мировоззрения.

Важнейшим способом утверждения в политическом сознании народа ценности «единодержавной» власти является «братолюбие». «В силу особенностей общественно-политической жизни Руси в конце XI–XIII вв. образу идеального князя все настойчивее приписывались и такие свойства, как сохранение межкняжеских договоров, соблюдение обязательств перед боярами, дружиной и городами, забота о получении согласия (“ряда”) на старейшинство со стороны народа» [14, с. 329]. Провозглашается необходимость соблюдать принцип наследования киевского (главного) «стола», «крестоцелование». Убийство князя негативно рассматривалось мыслителями Киевской Руси, а братоубийство категорически осуждалось и с точки зрения христианской морали, и с позиций интересов страны в целом. «Сказание о Борисе и Глебе» – ярчайший пример такого обличения. «В образе этих мучеников выражены представления о духовном совершенстве народа и его извечной нравственной стойкости, много раз проявлявшейся в грядущих суровых испытаниях» [15, с. 51]. Интересен тот факт, что в описываемой междоусобице был убит и Святослав (древлянский князь), брат Бориса и Глеба по отцу Владимиру. То есть убийство двух братьев – сыновей от матери-христианки (византийской принцессы Анны) – вполне обычная ситуация того времени. Скорее всего, необходимо было подчеркнуть именно христианский аспект и сделать акцент на мучительной и несправедливой смерти «богомудрых», прямых продолжателей еще новой для Киевской Руси религии. Тем самым подчеркивалось, что именно истинная вера должна быть основой мирного существования князей, пребывания их во взаимной любви и почитании. «Христолюбивые же страстотерпцы и заступники наши! Покорите поганных под ноги князьям нашим, молясь владыке Богу нашему, чтобы пребывали они в мире, в единении и в здоровье, избавляя их от усобных войн и от пронырства дьявола...» [8, с. 183]. В исследовании принципа «братолюбия» примечателен наказ Ярослава Мудрого, представленный в «Повести временных лет»: «Еще при жизни дал он наставление сыновьям своим, сказав им: “...вы, сыновья мои, имейте любовь между собой, потому что все вы братья... И если будете жить в любви между собой, Бог будет с вами и покорит вам врагов. И будете жить в мире. Если же будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов, которые добыли ее трудом своим великим; но слушайтесь брат брата, живите мирно”» [8, с. 203].

Очень ярко обличаются межкняжеские распри в «Житии преподобного отца нашего Феодосия,

игумена Печерского», написанном Нестором. В этом произведении говорится об их греховной природе: «Был... раздор – по наущению лукавого врага – среди трех князей, братьев по крови» [16, с. 129]. Идя на поводу у дьявола (а «междоусобная война бывает от дьявольского соращения» [8, с. 209]), князья гневуют Бога, а наказание за это получает вся русская земля.

В целом призывы подобного характера свидетельствуют о стремлении мыслителей Киевской Руси донести до сознания князей и простого народа мысль, что только будучи единым централизованным государством под руководством Великого киевского князя Русь может быть независима и сильна.

Вместе с тем названные выше призывы так и остались нереализованными. Политическая действительность носила совершенно противоположный заявленным позициям характер. Удельные княжества постоянно требовали суверенитета, и междукняжеские распри являются неотъемлемым элементом истории Киевской Руси. Лишь во времена Ярослава Мудрого удалось достичь определенного единства, затем последовали быстрый упадок и распад государственности. «В этом заключается исторический трагизм политической теории Древней Руси. Призывы мыслителей к государственному единению оставались благими пожеланиями, несмотря на их очевидность» [5, с. 6].

Дальнейшее развитие древнерусского государства было достаточно сложным: удельная раздробленность, гнет татаро-монгольского ига, непростой процесс объединения вокруг нового центра – Москвы и пр. Все это не могло не сказаться и на культурных основаниях, на менталитете русского народа. Существует точка зрения, что историю формирования русской политической культуры следует изучать с Московского периода, который якобы ничего общего не имеет с периодом Киевской Руси, политические ценности которой канули в Лету. Сменю не согласиться с этим положением. Преемственность эпох в любом случае сохраняется. Из изложенного материала следует, что

именно в Киевский период начинает складываться главнейший императив политической культуры России – единодержавная власть праведного монарха. Вся литература того времени и сознание народа проникнуты данной идеей. Конечно, необходимо наличие определенных механизмов, благодаря которым литературная мысль станет достоянием политического сознания и культуры. Примечательны в этом плане слова В.О. Ключевского об идеях и исторических фактах: «Вы поймете, когда личная идея становится общественным, т.е. историческим фактом: это когда она выходит из пределов личного существования и делается общим достоянием, и не только общим, но и обязательным, т.е. общепризнанным правилом или убеждением. Но чтобы личная идея получила такое обязательное действие, нужен целый прибор средств, поддерживающих это действие, – общественное мнение, требование закона или приличия, гнет полицейской силы» [17, с. 24]. Применительно к формированию политической культуры можно заявить следующее. Во-первых, укоренению идеала единодержавной праведной власти монарха способствовало требование времени и здравого смысла – сохранение целостности и единства русской земли в условиях постоянной внешней угрозы. Во-вторых, введение православного христианства обусловило тип мировоззрения с характерными для него социальной покорностью, безусловной верой в сверхъестественное происхождение власти монарха, отсутствием индивидуального, личностного начала, консервативностью и пр. Это далеко не полный перечень факторов становления идеи единодержавной власти как основной ценности политической культуры. Данная проблема заслуживает отдельного исследования. Важно, что, несмотря на противоречивый, синкретичный характер отечественной политической культуры, ценность единодержавной власти закрепились в политическом сознании народа. И именно в Киевской Руси мы находим первоосновы ее формирования, а в древнерусской литературе – прообразы, определившие направление политической культуры России.

Библиографический список

1. Притчина, Е.В. Политическая культура в циклах российской модернизации / Е.В. Притчина. – Барнаул, 2001.
2. Гудименко, Д.В. Политическая культура России: преемственность эпох / Д.В. Гудименко // Полис. – 1994. – №2.
3. Седых, Н. Динамика политической культуры: социально-философский взгляд / Н. Седых // Власть. – 2003. – №7.
4. Яковенко, И. Православие и исторические судьбы России / И. Яковенко // ОНС. – 1994. – №2.
5. Баркалов, В.Я. История политических учений в России XI–XVIII вв. / В.Я. Баркалов. – Барнаул, 1992.
6. Слово о Законе и Благодати митрополита Киевского Илариона // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 1 : XI–XII века. – СПб., 1997.
7. Память и похвала князю русскому Владимиру // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 1 : XI–XII века. – СПб., 1997.
8. Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 1 : XI–XII века. – СПб., 1997.
9. Пустарнаков, В.Ф. Философская мысль в Древней Руси / В.Ф. Пустарнаков. – М., 2005.
10. Слово Даниила Заточника // Изборник : сб. произведений литературы Древней Руси. – М., 1969.
11. Древнерусские сборники афоризмов // Изборник : сб.

произведений литературы Древней Руси. – М., 1969.

12. Горский, В.С. Философские идеи в культуре Киевской Руси XI – начала XII в. / В.С. Горский. – Киев, 1988.

13. Поучение Владимира Мономаха // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 1 : XI–XII века. – СПб., 1997.

14. Литаврин, Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь

(IX – начало XII в.) / Г.Г. Литаврин. – СПб., 2000.

15. Заичкин, И.А. Русская история : популярный очерк / И.А. Заичкин, И.Н. Почкаев. – М., 1992.

16. Житие преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского // Изборник : сб. произведений литературы Древней Руси. – М., 1969.

17. Ключевский, В.О. Русская история : полный курс лекций : в 3 кн. / В.О. Ключевский. – М., 1993. – Кн. 1.